

Глава 41. Опасный опекун

Женщина застыла. Всю свою посмертную жизнь она искала тех, кто заменит её в вечных муках, но никогда прежде ей самой не предлагали стать чьей-то тенью. Когда до неё дошёл смысл сказанного, сердце призрака захлестнула неопишуемая ярость.

Пусть она и не признавала это «отродье» своим сыном, она не собиралась позволять кому-то другому заявлять права на Сяо Фэна. Она — его единственный законный опекун! И никто не смеет посягать на её власть.

Сероватые мышечные волокна на её лице лихорадочно запульсировали. Проигнорировав предложение Ци Уюаня, привидение обрушило на него всю мощь своей воли: иллюзии в ванной начали сменяться с безумной скоростью, переплетаясь в хаотичном танце временных пластов.

В следующее мгновение женщина исчезла.

Игроки, погибшие в этих стенах, муж-мясник, совершающий своё кровавое дело, груды гниющей плоти — всё это поплыло на Ци Уюаня из вязкой тьмы. Стены раздвинулись, маленькая ванная комната разрослась до размеров баскетбольной площадки, а по лицу мужчины ударил порыв ледяного ветра.

Звуки капающей воды превратились в сплошной гул. Стены и пол начали медленно покрываться неизвестной темно-красной жидкостью, затапливающей пространство.

Ци Уюань не обращал внимания на этот морок. На кончиках его пальцев, танцуя и переливаясь, дрожал крохотный огонек с изящным шлейфом. Послушная воле хозяина, искра сорвалась с указательного пальца и устремилась в пустоту — прямо туда, где, казалось, ничего не было.

Скрывавшаяся в тени женщина успела уклониться, но крошечная, почти невидимая крупница пламени всё же задела край её рукава.

Иньский огонь, питающийся чужой злобой, мгновенно нашёл идеальное топливо. Стоило одной искре коснуться ткани, как пламя взметнулось вверх, охватив призрака полуметровым столбом холодного сияния. Огонь пожирал руку женщины, становясь всё яростнее, но он не обжигал. Напротив, пламя приносило невыносимую, запредельную стужу, от которой само существо призрака сковывало оцепенением.

Будучи существом, привыкшим к холоду могилы и иньской энергии, она впервые познала боль от обморожения настолько глубокого, что оно замораживало не только плоть, но и разум.

Забыв о нападении, женщина в панике забилась, пытаясь сбить пламя. Но призрачный огонь был неумолим. Под ударами её ладоней он лишь быстрее пополз вверх, к плечу. Правая

конечность на глазах чернела и ссыхалась, превращаясь в обугленную ветку. Сама душа её содрогалась от этой всепроникающей муки.

В отчаянии женщина вскинула левую руку с тесаком и одним резким ударом отсекала себе горящую плоть по самое плечо.

Лицо её исказилось в конвульсии; лишенная кожи ткань мелко дрожала, когда волна агонии прокатилась по телу. Эта боль была несравнима даже с теми многолетними пытками, которым она подвергала Сяо Фэна.

Теперь ей было не до Ци Уюаня. Женщина рухнула на пол, но надежда на спасение обернулась новым витком отчаяния: стоило ей отрубить руку, как несколько случайных искр переметнулись на туловище. Секунду спустя она уже пылала целиком. Еще немного — и от неё не останется даже пепла.

Ци Уюань и сам был слегка удивлен мощностью этого пламени. Чтобы превратить густую иньскую энергию внутри себя в этот особый Иньский огонь, он платил немалую цену. Каждое использование этой техники, помимо строжайших требований к самому практику, требовало самого драгоценного ресурса.

— Жизненной силы.

Уюань владел многими тайными знаниями, но почти все они требовали оплаты жизнью. До того как он попал в Четвёртый мир, это было его неразрешимым проклятием: стоя одной ногой в гробу, он не мог позволить себе тратить драгоценные дни на подобные фокусы.

Иногда он задавался вопросом, откуда в его памяти берутся эти запретные, еретические знания, но так и не смог найти ответа.

«Вероятно, в детстве тайком читал какие-то другие запрещенные книги в семье»

Но теперь всё изменилось. Подтвердив, что в Четвёртом мире жизнь можно купить за очки, Ци Уюань перестал дрожать над каждым своим вздохом. Одно дело — воля к жизни, и совсем другое — условия, при которых эта жизнь приносит удовольствие. Получив в свое распоряжение более двухсот дней, Уюань решил оставить себе «на жизнь» лишь пятьдесят, а остальные пустить в оборот в этом подземелье, чтобы сорвать по-настоящему крупный куш.

Он умел рисковать. Обычным людям в азартные игры лучше не соваться, но Уюань всегда был исключением из правил.

Крохотный язычок Иньского огня стоил ему нескольких дней жизни. Это пламя было «гурманом»: оно обожало сгустки обиды и ненависти. Чем более грешным и злобным был дух, тем ярче оно горело. Зло становилось для него катализатором, заставляя огонь выжигать

жертву до самого основания.

Более того, Иньский огонь был крайне привередлив. Он не трогал живых людей и презирал тех призраков, что при жизни были добрыми душами. Даже если те становились лютыми призраками, пламя едва касалось их и быстро гасло. Но был один исключительный случай.

Оно обожало «прирожденных злодеев» — тех, кто творил бесчинства при жизни и стал еще хуже после смерти. На таких чудовищах оно горело до последнего, пока не превращало их в ничто.

Реальность превзошла ожидания Ци Уюаня. Оказалось, что женщина, звавшаяся матерью Сяо Фэна, идеально подходила под вкусы Иньского огня. Не прошло и двух минут, как большая часть её тела была охвачена пламенем. Поняв, что спасения нет, она бессильно растянулась на полу, лишённая даже возможности сбежать.

От безумных истязаний ребенка при жизни до попыток избежать возмездия после смерти — она искала козлов отпущения, губила души игроков и морочила голову Сяо Фэну, чтобы тот убивал невинных вместо неё. Она упивалась тем, что ребенок раз за разом ошибался в своей мести.

Она и была истинным дьяволом в этом доме.

Иллюзия окончательно развеялась. В тесном пространстве ванной Ци Уюань внезапно почувствовал знакомое присутствие.

Сяо Фэн сидел в ванне, свернувшись калачиком. Он был погружен в густую темно-красную жижу, заполнявшую всю чашу, и лишь его маленькая голова виднелась над поверхностью. Челка была зачесана за ухо, и пустые глазницы нерешительно «смотрели» на корчащегося на полу призрака.

Даже без глаз Уюань чувствовал внутреннюю борьбу мальчика.

— Ты хочешь, чтобы она исчезла? — спросил Ци Уюань.

Голос Сяо Фэна прозвучал робко:

— Это ма... мой опекун.

Он твердо помнил её приказ: никогда не называть её мамой.

— Если ты не хочешь, она может остаться.

Ци Уюань редко проявлял стремление к тотальному контролю без нужды. Судьба этого существа целиком зависела от воли Сяо Фэна. Он уважал право пострадавшего на решение.

Женщина, в безумии катавшаяся по полу, услышала эти слова и из последних сил потянулась к ванне. Она вскинула голову, еще не тронутую пламенем, и беззвучно зашевелила губами.

— Спаси... спаси меня...

Она хотела назвать его «сыном», но это слово застряло в горле. Возможно, лишь в это мгновение к ней пришло мимолетное осознание: у неё больше нет права так его называть.

Сяо Фэн «посмотрел» на неё своими пустыми глазницами. При взгляде на мучительницу он всё еще непроизвольно вздрагивал — психологическая травма была слишком глубокой.

— Нет... — прошептал он.

Это был его первый открытый отказ Ци Уюаню, но, произнеся первое слово, мальчик словно обрел опору. Его голос зазвучал тверже:

— Я не хочу её спасать. Я хочу, чтобы она исчезла.

Его маленькая рука, всё еще полупрозрачная, сжалась в кулак от напряжения. В этот момент Сяо Фэн перестал казаться свирепым монстром; в нем проступало всё больше черт того дневного ребенка. Оба его состояния постепенно сливались в одно целое.

В глазах Ци Уюаня мелькнуло одобрение. Слабые люди, нашедшие в себе силы для сопротивления, всегда импонировали ему больше прочих.

Уюань опустил взгляд на призрака:

— Мне жаль сообщать тебе об этом. Твоя просьба о помощи отклонена.

Стоило ему произнести приговор, как Иньский огонь взметнулся вверх, окончательно поглотив женщину. В комнате стало так холодно, что стены покрылись инеем, а в кровавой жиже в ванне зазвенели льдинки.

— Не-е-ет!

В последнем душераздирающем крике призрак рассыпался пеплом. Даже кости, которые не поддаются обычному огню, превратились в прах. Отныне этот дух навсегда исчез из подземелья. Даже когда Ци Уюань уйдет и сюда придут новые игроки, они больше никогда её

не встретят.

Поглотив свою добычу, Иньский огонь мгновенно рассеялся в воздухе. Ледяное дыхание смерти отступило, и иньская энергия бесшумно вернулась в тело Уюаня.

Сяо Фэн застывшим взглядом смотрел на серые хлопья на полу. Темно-красная жидкость, сочившаяся из щелей плитки, послушная неосознанному порыву мальчика, быстро смыла остатки пепла.

[Да кто из вас тут настоящий монстр, в конце-то концов?!]

[Черный юмор в прямом эфире: игрок говорит NPC «твоя просьба отклонена», и тот реально умирает.]

[Когда Юань-цзай это говорил, у меня возникло ощущение, что это сама Система вещает. Аж мурашки по коже.]

[Другие стримеры: убегают от монстров. Юань-цзай: охотится на монстров.]

[Давайте будем точнее: тут не охота, а просто зачистка.]

В чате бушевали дебаты, а популярность трансляции Ци Уюаня взлетела до небес. Он слов на ветер не бросал: каждый новый зритель, зашедший на «хайп», в итоге оставался, замороженный его личностью.

***

Ци Цзинь, устроившись на диване, не отрываясь следил за тем, как его брат расправляется с призраком. В его душе смешивались гордость и легкая досада.

— Эх, я так и знал, что брат поступит именно так, — вздохнул он.

Узнав, что Ци Уюань тоже попал в Четвёртый мир, юноша так и не решился выйти с ним на связь. Брат был слишком пронизателен: стоило им встретиться, и Уюань вытянул бы из него все новости за пять минут. Дело было даже не в тайнах — просто Ци Цзинь втайне накопил для брата целую гору очков. Ему было неловко.

Давно, еще в начале своего пути, он изучил в магазине все товары, связанные с продлением жизни. К сожалению, будучи игроком высокого уровня, он мог покупать их для себя, но не мог передавать тем, кто еще не вошел в Четвёртый мир. Его полномочий просто не хватало.

Ему оставалось лишь копить баллы и качаться, глядя на недоступные артефакты. В нем снова

проснулся тот былой азарт, с которым они когда-то с капитаном штурмовали рейтинги.

Он знал, что Юй Бэй одержим идеей купить «Пилюлю Воссоздания Тела» стоимостью в девятьсот миллионов очков. Эта штука тоже продлевала жизнь, но эффект был колоссальным: она могла подарить умирающему несколько тысяч лет в идеальном состоянии двадцатилетнего юноши.

Капитан никогда не скрывал своего стремления к этой цели. Вице-капитан как-то обмолвился, что это и есть причина, по которой тот вообще вошел в Систему. Юй Бэй хотел купить её для кого-то очень важного, но за годы, проведенные в подземельях, он почти забыл лицо того человека. Осталась лишь привычка копить.

Но для Ци Цзиня этот пример стал решающим. Он верил, что настанет день, когда он сможет спасти брата. А потом Ци Уюань просто взял и зашел в подземелье сам.

Зная таланты брата, Цзинь понимал: если уж Уюань попал в Четвёртый мир, проблем с выживанием у него не будет. Весь его многолетний план вмиг стал бессмысленным.

Ци Цзинь чувствовал себя нелепо. Ему было стыдно идти к брату после того, как он несколько лет не мог даже доползти до нужного ранга, чтобы купить ему лекарство.

— Ладно, — пробурчал он про себя, зарываясь в кресло-мешок. — Посижу еще пару дней в тени. Когда брат закончит это подземелье, тогда и встретимся.

Сидевший рядом сокомандник толкнул его в плечо и рассмеялся:

— Да ладно тебе, Цзинь, мы все слышим, как ты хвастаешься в глубине души.

Другой товарищ подмигнул:

— Надо же, наш Цзинь оказался таким фанатичным братиком. Кто бы мог подумать.

Ци Цзинь натянул кепку на глаза:

— Ну и пусть. Вы просто моего брата не видели. Он по-настоящему крут и на него всегда можно положиться. В нашей семье среди младших нет никого, кто бы им не восхищался.

Правда, восхищались они издалека, не смея беспокоить.

Друзья, которые вместе с ним несколько часов смотрели, как Ци Уюань методично делает гербарий из головы монстра, на мгновение замолчали. То, что Уюань «крут», они признавали

безоговорочно. А вот насчет того, можно ли на него «положиться» без риска для психики...

Заметив их скепсис, Ци Цзинь неуверенно добавил:

— Ну, у него есть парочка странных хобби, но это же не преступление, верно?

***

Видя, что Сяо Фэн не исчезает из ванны, Ци Уюань лениво потянулся. Он официально принял на себя роль опекуна, сменив приставку «временный» на «постоянный». Пора было начинать воспитание, чтобы ребенок не набрался дурных привычек.

— Тебе грустно? — спросил он.

Мальчик медленно покачал головой, а затем кивнул:

— Не из-за неё. Я просто... мне жаль самого себя.

Голос Сяо Фэна звучал по-взрослому рассудительно. С того момента, как он решил отбросить трусость, его манера речи начала меняться.

Уюань взглянул на телефон. Скоро рассвет. Казалось, в ванной прошло всего полчаса, а на деле битва затянулась на всю ночь.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Ци Уюань. — То, что ты начал жалеть себя — это прогресс.

Сяо Фэн не совсем понял, что он имеет в виду. Его полупрозрачное тело медленно поднялось над ванной, темно-красная жижа тяжелыми каплями срывалась с его одежды на пол. Уюань не стал торопить его с выводами.

Было уже начало седьмого утра.

— Пусть исчезает только то, чему место в небытии, договорились?

Силуэт Сяо Фэна начал таять в утренних сумерках. Неизвестно, услышал ли он эти слова.

[Мне кажется, или Уюань реально неплох в педагогике?]

[Не кажется. Кто бы отказался от такого опекуна?]

[Дать свободу, наказать обидчика и при этом спокойно объяснить, в чем ты был неправ... При этом от него такая аура исходит, что даже не поднимая руки, он внушает трепет.]

[Эх, жаль Сяо Фэн — БОСС подземелья, его нельзя забрать с собой. Я бы с удовольствием посмотрел, как А Юань будет воспитывать ребенка.]

[«Всего лишь», ха-ха. Кажется, зрители в этом канале совсем потеряли связь с реальностью.]

**[Воспитывать Сяо Фэна? Чтобы в итоге получить еще одного любителя сухоцветов из голов? doge.jpg]

[А что, если любовь к головам изначально была идеей Сяо Фэна, и он это просто нарисовал?]**

Наступило утро.

Цветок-голова, который в иллюзии упал и исчез, по-прежнему мирно лежал на полке у зеркала. Он окончательно высох.

Ци Уюань бросил взгляд на раковину. «Тюканье» и капель, которые он слушал всю ночь, оказались лишь плохо закрытым краном.

Выйдя из ванной, Уюань распахнул окно в спальне. Кирпичная кладка и человеческое лицо за стеклом исчезли. В комнату хлынул свежий, влажный утренний воздух.

С четвертого этажа он видел, как внизу открываются палатки с завтраками и к ним подтягиваются первые редкие прохожие.

Уюань оставил окно приоткрытым, чтобы проветрить помещение. Он планировал отвести Сяо Фэна в кружок, а потом вернуться и наконец выспаться. Ци Уюань мог работать по ночам, но терпеть не мог проводить без сна целые сутки.

Приняв душ и переодевшись, он вышел из комнаты с чуть влажными волосами. Аромат выпечки, доносившийся снизу, разбудил в нем нешуточный аппетит.

«В следующий раз надо обязательно взять с собой Юй Куя, — лениво подумал он. — Без него за едой приходится ходить самому»

Когда Уюань вернулся в квартиру 404, он увидел Сяо Фэна. Мальчик в панике метался по прихожей, натываясь на стены. Услышав звук открываемой двери, он вздрогнул и испуганно прошептал:

— Брат? Брат, это ты вернулся?

Ци Уюань поставил пакет с едой и подошел к нему:

— Да, это я.

Сяо Фэн заметно обмяк и мертвой хваткой вцепился в одежду Ци Уюаня:

— Брат... я... я ничего не вижу... Глаза... глаза так болят!

Под спутанной челкой, там, где должны были быть глаза Сяо Фэна, чернели две кровоточащие пустоты. Красная плоть и часть зрительных нервов были выставлены напоказ.

Шёл четвёртый день.

Изменения в Сяо Фэне становились всё более очевидными.

Его глаза вырвали заживо.

<http://bllate.org/book/15852/1442022>